

«ленивых и неприлежных к работам всячески принуждать». «Непослушных», особенно пьяниц, «наказывать розгами». В инструкциях содержались приказы не допускать пьянства, мотовства, следить за обязательным посещением церкви. Некоторые дворяне контролировали не только работу крестьян на барских полях, но и ведение ими собственного хозяйства (наличие зерна для посева, лошадей), тесно связанного с помещичьим, ведь крепостные обычно обрабатывали барские земли своим инвентарем и скотом. Крестьяне также были уверены, что помещик должен им помогать, выручать в трудную минуту. «Барин обязан кормить», — заявляли крестьяне Юсуповых. Они считали, что «барский хлеб, как ими собранный, есть и их собственность, и даже украсть у барина не грех»³⁷.

В 1847 г. Н. В. Гоголь обратился к приятелю, ставшему помещиком, с письмом, содержащим советы по управлению крепостными. «Чтобы они работали честно не только тебе, но и себе самим... заленившись, мужик не все способен — делается и вор и пьяница, погубит свою душу. ...Мужика не бей... воспитай его как сына... будь патриархом»³⁸. Рабовладелец играл в «отца» рабов, на деле являвшихся средством получения прибыли — наряду с мулами, машинами; его патернализм скорее был квазипатернализмом. Российскому помещику невольно приходилось быть «отцом» крестьянину. Его так и называли — «батюшкой», «кормильцем». Он обязан был заботиться о налогоплательщике государства, от которого и сам зависел. В неурожайные годы государство заставляло помещиков кормить своих крестьян. Так, в 1840 г. правительство потребовало от помещиков подписки-обязательства кормить крестьян до следующего урожая.

Перед гражданской войной рабы составляли треть населения американского Юга, вместе с рабовладельцами — половину. Три четверти белых, не имея рабов³⁹. Но рабство не стало локальным явлением. По мнению У. Б. Филлипса, оно было «больше, чем бизнес, но самую жизнью южан. Сделав богатыми немногих, оно повлияло на всех»⁴⁰. Пожалуй, главное его влияние — изменение отношения к труду. Наряду с протестантским уважением к любому труду появилось презрение к труду физическому — уделу черных невольников. Прозвища «белые бедняки», «белая шваль» относились не только к пауперам, но ко всем, живущим своим трудом, в том числе и фермерам. Некоторые работы считались предназначенными исключительно для черных. Впрочем, часть пауперов и сама не хотела работать, чтобы не уподобляться черным рабам. Рабство тем самым делало белую расу привилегированной кастой.

В южное общество привносились черты традиционного социума: кастовость, иерархизм, определенные ценности — культ чести, семьи, рыцарский этикет. И все же рабство не превратило Юг в традиционное общество. Южане старались противостоять размыванию протестантской этики. В 1853 г. журнал «Farmer's Journal» сообщал о богатом плантаторе из Северной Каролины, у которого три сына работали на поле, две дочери — по дому. А газета «Hillsborough Recorder», сетуя на экономическую отсталость Юга, отмечала, что «плантаторам нужно раньше вставать и лучше знать свое дело», меньше нанимать управляющих⁴¹. Южные евангелисты активно сопротивлялись таким последствиям рабства, как дуэли, пьянство, создавая добровольные общества по борьбе с ними⁴².

На Юге остались главные признаки американского общества — вертикальная и горизонтальная мобильность, преобладание средних слоев. Основную часть населения, как и на Севере, составляли мелкие и средние фермеры-землевладельцы, что видно и на структуре рабовладения. 72% рабовладельцев имели до десяти рабов, то есть являлись фермерами, часто работавшими на поле вместе со своими рабами⁴³. Американский Юг можно скорее назвать фермерско-плантаторским.

Концентрация богатства на Юге была высока в сравнении с Севером, но не с Россией. Крупным рабовладельцем на Юге был владелец 50 и более рабов, в России же крупным помещиком — владелец 500 крепостных. Первым принадлежала четверть всех рабов, вторым — 43,6% всех крепостных⁴⁴. Однако принудительный труд в свободном американском обществе делал социальную систему Юга противоречивой.

START
HERE

В середине XIX в. в России крепостными, то есть принадлежавшими помещикам, была половина крестьянства, треть всего населения (32,4% в 1858 г.). Другая половина крестьян — государственные, тоже была несвободной, подчиненной чиновникам. Все же зависимое крестьянство составляло в 1857 г. свыше 80% населения страны⁴⁵. Длительное сохранение крепостного права привело к расколу российского общества на два разных мира с разными ценностями и представлениями о жизни — крестьянский, мужицкий, и остальной, что неизбежно вело к социальному конфликту.

Конкретно-исторические обстоятельства отмены двух архаических институтов были различны. В США рабство было отменено не по причине его экономической неэффективности. Будучи прибыльным для плантаторов, оно тормозило создание национальной рыночной экономики. Гражданская война между Севером и Югом — результат несовместимости социально-экономических систем, сложившихся в американском обществе. С индустриализацией Севера разрыв между ним и Югом, остававшимся на стадии торгового капитала, увеличивался, конфликт становился неизбежным.

Медленная модернизация затронула и штаты верхнего Юга. Доля плантационных культур в хозяйстве постепенно сокращалась. В Мэриленде за 1747—1859 годы доля производства табака упала с 90% до 14%⁴⁶, что вело к ослаблению института рабства. Вот почему четыре пограничных штата не поддержали сецессию. Однако на нижнем Юге (Миссисипи, Джорджия, Алабама, Луизиана и др.), постепенно превращавшемся в монокультурную хозяйственную зону, находилась большая часть плантаций и рабов. Жаркий субтропический климат в немалой степени задерживал диверсификацию сельского хозяйства. Здесь плохо росли пшеница, кормовые травы, отчего не развивалось молочное животноводство.

Не внутреннее развитие крепостного помещичьего хозяйства обусловило отмену крепостничества. В первой половине XIX в. оно переходит к товарному производству, помещики больше используют сельскохозяйственную технику, агрономию, что в свою очередь увеличивало барщину⁴⁷. Крепостное право сдерживало индустриализацию России, которая уже не могла соперничать с западными странами, что показала Крымская война 1853—1856 годов.

Итак, оба архаических института, будучи выгодными и помещикам и плантаторам, задерживали модернизацию своих стран, хотя мотивы отмены рабовладения и крепостничества различались. С отменой этих институтов принудительный труд не исчез, поскольку остались: в России — мощный государственный аппарат, а на американском Юге — плантационная система. Появились новые формы принудительного труда. Российские крестьяне перешли от помещиков под власть государства, которому они сначала платили за землю, а в советский период превратились в работников колхозов и совхозов, крепкие же хозяева были заключены в лагеря. Принудительный труд крестьян сохранился. На Юге США возникла специфическая форма аренды — кропперство, когда плантатор давал арендатору, бывшему рабу, дом, орудия производства, все необходимое для труда, часто даже руководил хозяйством, забирая до половины урожая. Тем не менее, благодаря аренде бывший раб получил, помимо личной свободы, свободу хозяйствования, пусть и на арендованной земле.

В XX в. последствия принудительного труда на Юге были преодолены. «Солнечный пояс» Америки превратился в один из самых быстро развивающихся регионов страны. С отменой рабства на Юге сохранился общеамериканский фундамент, что позволило завершить модернизацию и войти в систему американского общества на равных правах.

Ситуация в России была сложнее. Модернизация началась с отмены крепостничества, с либеральных реформ второй половины XIX в., но закончилась коллапсом — октябрьским переворотом 1917 г., остановившим ее. Советский период стал еще одной, возможно, последней, попыткой государства подчинить себе общество, сделать принудительный труд тотальным. Долго сохранявшееся крепостное право — одна из главных причин этого коллапса, поскольку оно, наряду с общиной, консервировало

традиционализм крестьянства, лишая его права на частную собственность, не позволяя сформироваться гражданскому сознанию. Именно крестьяне, в первую очередь, бывшие крепостные, стали социальной базой октябрьского переворота. Их наказы вошли в Декрет о земле. Советская власть почти на столетие сохранила традиционализм в России, культивируя коллективистские отношения и ценности.

Системный анализ показывает, что рабство и крепостное право принадлежат к различным обществам. Однако принудительный труд, личная зависимость, бесправие раба и крепостного, сближают их, создавая сходные черты в психологии и поведении как рабов и крепостных, так и их хозяев.

Примечания

1. РАДИЦЕВ А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву. М. 1987 (1 изд. — 1790), с. 126, 132; ПУШКИН А. С. Полн. собр. соч. в 9 тт. М. 1954. Т. 5, с. 169.
2. DOMAR E. D. The Causes of Slavery or Serfdom: A Hypothesis. — *Journal of Economic History*, 1970, Vol. 30, № 1; KOLCHIN P. Unfree Labor: American Slavery and Russian Serfdom. Cambridge. Lnd. 1987, p. 2.
3. KOLCHIN P. *Op. cit.*, p. X.
4. GENOVESE E. D. *Roll, Jordan, Roll: The World the Slaves Made*. N. Y. 1974, p. 598.
5. ЛЕНИН В. И. Полн. собр. соч. (3 изд.). Т. 3, с. 183.
6. CLAY C. M. *The Life of Cassius Marcellus Clay: Memoirs. Writings and Speeches*. 2 Vols. Cincinnati. 1886. Vol. 1, p. 50.
7. ДЖЕФФЕРСОН Т. Автобиография. Заметки о штате Виргиния. Л. 1990, с. 230; THOMAS E. G. C. *The Secret Eye: The Journal of Ella Gertrude Clanton Thomas*. 1848—1889. Chapel Hill. 1990, p. 168—169.
8. ТРОЙНИЦКИЙ А. Крепостное население в России по 10 народной переписи. СПб. 1861, с. 45; U. S. Census Office. *Agriculture of the United States in 1860*. Washington. 1864, p. 247; GRAY L. C. *History of Agriculture in the Southern United States to 1860*. Washington. 1933. 2 vols. Vol. 1, p. 530.
9. KOLCHIN P. *Op. cit.*, p. 101; БЛОК М. Апология истории. М. 1986, с. 93. Блок, тонко подметивший разницу между французским и русским крепостным, не обнаружил ее в отношении крепостного и раба.
10. ШАПИРО А. Л. Русское крестьянство перед закрепощением (XIV—XVI вв.). Л. 1987, с. 230—231; ДАНИЛОВА Л. В. К вопросу о причинах утверждения крепостничества в России. — *Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы*. 1965. М. 1970, с. 130—140.
11. SOUTHRON. *The Policy of the Southern Planter. — Advice among Masters: The Ideal in Slave Management in the Old South*. Westport, Conn. — Lnd. 1980, p. 47.
12. Свод законов Российской империи. СПб. 1857. Т. 9, ст. 1103, 1104.
13. *Voices of the Old South: Eyewitness Accounts*. 1528—1861. Athen. Ga. 1994, p. 361.
14. SCHMITZ M. D. Economics of Scale and Farm Size in the Antebellum Sugar Sector. — *Journal of Economic History*, 1977, Vol. 37, № 3, p. 960—961.
15. МИЛОВ Л. В. Природно-климатический фактор и особенности российского исторического процесса. — *Вопросы истории*. 1992. № 4—5, с. 38.
16. СИВКОВ К. В. Очерки по истории крепостного хозяйства и крестьянского движения в России в первой половине XIX в. По материалам архива степных вотчин Юсуповых. М. 1951, с. 13—14, 152.
17. ИНДОВА Е. И. Крепостное хозяйство в начале XIX века. По материалам вотчинного архива Воронцовых. М. 1955, с. 48, 66.
18. KOLCHIN P. *Op. cit.*, p. 39.
19. ИГНАТОВИЧ И. И. Помещичьи крестьяне накануне освобождения. М. 1910, с. 212—213.
20. Там же, с. 209; ИНДОВА Е. И. Ук. соч., с. 28.
21. ТРОЙНИЦКИЙ А. Ук. соч., с. 58; СЕМЕВСКИЙ В. И. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. 2 тт. Т. I. СПб. 1881, с. 124—126.
22. См. *Крестьянское движение в России в 1826—1849 гг.* М. 1961, с. 60—62.
23. МИЛОВ Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М. 1998, с. 383—385.
24. SMEDES S. D. *Memorials of a Southern Planter*. N. Y. 1965 (1st ed. 1887), p. 55—56.
25. ТУРГЕНЕВ И. С. Собр. соч. в 5 тт. Т. 1. М. 1994, с. 13.